

Русская риторика в свете русской истории

Аннушкин В. И.

«И мы сохраним тебя, русская речь!» ^[1]

Россия вступила в третье тысячелетие. Мы живем в сложном мире техники, компьютеров, телевидения, видеомagneтофонов и других средств речевой коммуникации. В то же время мы храним память всех тех, кто жил, творил, говорил и писал по-русски. За тысячу и более лет русской истории и культуры мы создали великую науку и литературу, сформировали богатейший язык для выражения наших мыслей и чувств.

В XX веке Россия пережила великие потрясения и выжила, выстояла благодаря великой духовной силе своего народа. Но все: и катаклизмы, и победы, и горе, и потрясения – все записано и выражено на русском языке. Если люди не находят слов для выражения пережитого, значит, или язык их беден, или они сами настолько несовершенны, что не могут найти необходимых мыслей и слов. Из прошлого нам необходимо взять все самое лучшее, выразительное, насыщенное богатством мысли и красотой слова. Через познание языка видны красота и величие русского человека: его души, его чувств и мыслей.

Древнерусское добрословие и благоречие

Изучение истории русской риторики открывает удивительные связи: реальная жизнь языка, как выясняется, прямо связана с политикой, идеологией, экономическими преобразованиями.

Всякое изменение в политической и идеологической сферах находит отражение в том, как люди мыслят и говорят. Но происходит и обратный процесс: инициативные мысли и слова вызревают в недрах стабильного общества для того, чтобы предложить новый стиль жизни и поступков, новую государственную политику. Если взглянем повнимательнее на историю русской риторики, то увидим, как вызревает это новое сознание – основа будущих перемен – в книгах и учебниках, по которым россияне учились пользоваться словом.

Слово *риторика* известно на Руси, по крайней мере, с XII века. В Выголексинском сборнике рассказывается о святом Феодоре Студите, который прошел традиционный путь учения. Этот путь состоял в следующем: сначала он «принял крамотику (грамматику), а по том и риторику» прошел. Значит, в прохождении наук сначала следовало обучиться чтению и письму, затем происходил переход к «высшим» наукам, которыми считались грамматика и риторика.

Риторы и философы восхвалялись как мудрецы и знатоки Священного Писания и книжного учения. Впрочем, отношение к риторам как пользователям словом могло быть разным – двойственное отношение к риторике распространялось и на Древнюю Русь. Риторы же бывали разные: «тщеславивые и кичивые» – осуждались, а те, кто был приобщен к божественной мудрости, – одобрялись и восхвалялись. Например, Василий Великий, один из отцов церкви, восхвалялся именно как ритор – «ветия в ветях (оратор в ораторах), мудр в мудрых, философ в философах».

О сущности самой риторики в «Пчеле» XIII века говорилось: «Риторы учатся законней речи глаголати» = Риторы учатся (по законам) правильной речи говорить. О знаменитом греческом ораторе Демосфене писалось: «Сь, вопросим, како риторику учил, и рече: склочил масла боле вина = Этот (человек), будучи спрошен, как изучал риторику, ответил: Истратил масла больше, чем вина». То есть при обучении риторике Демосфен много писал при свете лампы. С гордостью отмечал Демосфен: «Риторику убо учу, а не злато люблю».

Характерно, что слово *риторика* в древнерусских текстах выглядит как «риторикия». Дело в том, что первоначальный перевод был сделан с греческого слова (rhetorike) – и оно получило форму «риторикия». Но любовь к родному языку заставляла искать древних русичей собственные русские слова для перевода слов *риторика* и *ритор* – и такие слова находились: «ветийство» и «ветий (ветия)».

Корень слова *вет* означал говорение, сказывание, откуда и пошли очень многие современные слова: *совет, привет, ответ, завет, навет, увещать, извещать* и т.д. Слова *ветийство* и *ветий* были даже более частотными, чем *риторикия* и *ритор*.

О хорошем *ветии*=ораторе говорилось, что он способен «сокрушать душу» не множеством слов и речей, а «смирненным словом».

Интересно, что уже в XV–XVI веках слово *вети́йство* стало писаться как *вити́йство*. Очевидно, это произошло потому, что в первом предударном слоге [е] произносилось как [и], а само слово воспринималось как происшедшее от глагола «вить» и ассоциировалось с «плетением словес». Плетение же словес было способом искусного украшения речи и поэтому ассоциировалось с риторикой. Вот почему позднее писалось только *вития* или *витийство* – таковы старинные русские слова для обозначения оратора и ораторства. Так Я.В. Толмачев в книге «Военное красноречие» (СПб., 1825) объяснял *красноречие* как «искусство выражать мысли и чувствования ясно и выразительно», а *витийство* – «выражать оные сильно и убедительно».

Интересна и судьба «риторики». Если до XVII века писали только риторѣкия или ритория, то слово «риторика» впервые встретилось ученым в первой русской «Риторике» 1620 года. Поскольку это был перевод латинской «Риторики» Филиппа Меланхтона, «великого учителя Германии», то учитель-переводчик записал это слово по латинскому образцу – с ударением на предпоследний слог. Смещение ударения на «риторѣку» произошло уже при Петре, но остатки прежнего ударения слышатся в слове «риторѣческий».

Задают и такой вопрос: почему иногда встречается написание «реторика», а не «риторика»? Переведенное с греческого языка, это слово писалось через «ри-», а в XVIII веке обучение велось часто на латинском языке и слово «rhetorica», конечно, переводили как «реторика» с ориентацией на латинскую букву «е». Такой же точки зрения в противовес сложившейся традиции стал придерживаться и учитель Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанский. В XIX веке орфографические нормы еще не устоялись, поэтому часто писали с двумя вариантами. Но вариант «реторика» встречался не только у Пушкина, Белинского, Чернышевского – орфографические варианты с написанием *е/и* довольно часты не только в XIX, но и в XX вв. Последним, на кого можно сослаться в написании «реторика», был нарком просвещения Советского правительства А.В. Луначарский.

«И в добрословии уста свои учинили...»

В современном языке синонимом «риторике» часто называют слово «красноречие». Но в Древней Руси слов, подобных «красноречию», было множество – все они обозначали хорошие качества речи. Своеобразие этих благих слов, связанных с речью, нельзя не почувствовать в самом их перечне: *благоречие, благоязычие, благословие, благобеседование, доброречие, добрословие, краснословие, красногласие, сладкогласие, златоустие, правдословие, хитрословие* и т.д. Все эти слова обозначали дар благой и хорошей речи.

Как видите, все эти слова созданы по одной модели: первая часть этих слов обозначает качество речи (*добро-, благо-, красно-, сладко-, злато-, правдо-* и т.д.), а вторая – процесс речи (*-словие, -речие, язычие, -устие* и т.д.). Количество слов, созданных по этой модели, просто не поддается обозрению.

Но если есть положительные слова, то должны быть и отрицательные: если есть «добрословие», то должно быть и «злословие»; если есть «правдословие» и «истинноречие», то как же не быть «лжесловию» или «кривоглаголению»? Все эти слова говорили о свойствах человека и качествах его речи:

1) доброречию и благословию противопоставлялись злоречие и пагубословие – понятия добра и зла были основными и для речи;

2) словесная красота (краснословие) оценивалось двояко: с одной стороны, краснословцы и красноречцы восхвалялись и одобрялись, с другой стороны, краснословие, которым можно прельстить и обмануть людей, осуждалось;

3) сладость словесная (сладкоречие и медоязычие) понималась как услаждающая и благоприятная речь: «Аще (если) хочеши имети другы многи [если хочешь иметь много друзей], то имей язык сладок и руки податливы [имей речь сладкую и руки, готовые давать]»;

4) правдословие и истиннословие противопоставлялись лже-, плето-, кривословию. Лжеца называли «лжесловником», «плетословцем», «кривоглагольником».

«Ритор – человек, искусный в науке речения»

Существует закономерность: риторика пишется тогда, когда в обществе рождается новый стиль жизни, формируется новая идеология. Ведь риторика, как наука о мысли и речи, – должна оформить новые идеи. Представим, например, какая была ситуация после воцарения юного 13-летнего царя Михаила Федоровича, первого в династии Романовых. Страна приходила в себя после иноземного нашествия, требовалось восстановить не только хозяйство, но и создать науки и школьное обучение.

Именно в период с 1613 по 1620 годы неизвестный автор, творивший в окружении своих учеников, написал первое на Руси систематическое сочинение о науках – «Сказание о семи свободных мудростях». Число «семь» соответствовало количеству гуманитарных и технических наук, которые в то время изучались после прохождения курсов чтения и письма. Тривиум (3) соответствовал словесным гуманитарным наукам: грамматике, риторике, диалектике (логике); квадриум (4) – техническим наукам: музыке, арифметике, геометрии, астрономии.

Неизвестный нам учитель придумал и оригинальную форму представления наук ученикам. В Библии в «Книге притчей Соломоновых» имеется образ Мудрости, которая выходит к людям на городскую площадь и взывает:

«Приимите учение мое, а не серебро; лучше знание, чем отборное золото, потому что мудрость лучше жемчуга и ничто из желаемого не сравнится с нею ... Мною цари царствуют, богатство и слава у меня, сокровище непогибающее и правда. ... Кто нашел меня, тот нашел жизнь – и получит благодать от Господа, а согрешающий против меня наносит вред душе своей».

Автор древнерусского сочинения заимствовал этот библейский образ Мудрости и назвал «мудростями» все науки. Каждую из наук он представил в образе прекрасной женщины, которая как бы от лица каждой науки произносит хвалу своему учению и описывает содержание предмета. Вот, например, Мудрость Риторика обращалась к своим ученикам:

«Видят меня многие, да не внимают мне, я же, как мудрый и благой друг, всех вас с добротою люблю и всех вас призываю увидеть лепоту (красоту) моего учения, поскольку всем вам по природе нужна... ибо везде и всегда, когда пишете или говорите, то все мною совершаете, украшаете и удобно разумом создаете.

А если что в письмах или стихах, в посланиях или беседах создается без моего риторического построения, то осмеяете и ругаете сплетающего таковые речи. А сами-то подчас в том же обретаетесь, поскольку меня, риторику – честную науку, презираете и пренебрегаете научением моему искусству...»

Первая русская «Риторика» 1620 года

Есть предположение, что, написав «Сказание о мудростях», тот же учитель создал первую русскую «Риторику». Самый ранний ее список датируется 1620-м годом. В руках нашего книжника-учителя был краткий латинский учебник «Риторика» Филиппа Меланхтона, выдающегося немецкого педагога XVI века, «великого учителя Германии». Переводя латинский учебник, русский автор делал свои добавления и пояснения к трудным статьям учебника. Учебник писался в вопросах и ответах – словно диалог вопрошающего ученика и отвечающего учителя (впрочем, можно бы представить, что спрашивает учитель, а ученик отвечает).

Первый вопрос: «Что есть риторика и что содержит ее учение?». Ответ: «Риторика есть наука, которая наставляет на правильный путь и полезную жизнь добрыми словами. Сию же науку красноречием или сладкогласием нарицают...» А далее – учитель самостоятельно пояснил для сидевших рядом и записывавших его слова учеников: «поскольку красиво и удобно писать и говорить научает». Пояснил учитель и происхождение слова *риторика*: «Греческие мудрецы *риторию* течение слов называют, латинские же мудрецы *риторикой* сию науку нарекли, и сего ради проименовался *ритор*, то есть учитель благословия».

Следующий вопрос: «Что есть ритор?» – Ритором назван «человек, зело (очень) в науке речения хитрый». Ритор выступает «в делах и на градских судах», произносит «пригодные и похвальные речи по обычаю и по законам того государства, где родился». Обо всем, что бывает «бесчестного или славы достойного, богатого или убогого, праведного или нечестивого» ритор умеет «рассуждать и ко всякому делу подобающие слова прилагать».

Первая русская «Риторика» написана в двух книгах: «О изобретении дел» и «О украшении слова». Однако, показывая, как изобретать мысли, автор писал и о «шести частях речи» (то есть о разделах композиции), и о «возбуждении страстей»; а в книге об украшении речи он не только перечислил тропы и фигуры, но и написал о том, как подражать образцовым ораторам.

Удивительно другое: почувствовав, что учебник труден, автор-учитель в 1622 году не только сделал дополнения на полях двух списков учебника (они находятся в рукописных отделах Государственного Исторического музея и Российской Национальной библиотеки), но и написал еще два замечательных по содержанию и выразительности предисловия к своему труду. В одном из них он сравнил познание науки риторики с нахождением неким царем земли «удобной и красной (прекрасной)» и построением на этой земле благоустроенного государства.

Каждый раздел риторики сопоставлялся с царским деянием: *визобретении* ритор обретает мысли и содержание речи – подобно царю, обретшему землю и «людей в ней множество»; *память* ритора подобна «приведению разумных людей из прочих стран»; а «*четыре рода речей*» у ритора – это четыре начальника, которые поставлены царем над основными сословиями в обществе: одним повелел «учить», другим – «судить и управлять», иным – «пасти», иным – «войновать». Книжник XVII века выделил четыре основные речевые профессии в обществе: учитель, государственный человек (который судит и управляет), пастырь (проповедник) и воин.

Украшение же речи подобно тому, как люди обогащаются и облачаются в «красные и золотые» одежды и «богатством многим цветут».

«Красноречие есть искусство...» (М.В. Ломоносов)

Честь создания первой научной теории риторики принадлежит Михаилу Васильевичу Ломоносову (1711–1765). В классических мыслях Ломоносова есть чему поучиться и современному оратору. Прежде всего посмотрим, как учился риторике сам Ломоносов. Свойственная ему «благородная упряжка» выразилась в том, что ученик Ломоносов осмысленно изучил то, что было написано до него. Вытранировав память, он использовал в своих книгах по риторике не только то, что изучил в Славяно-Греко-Латинской академии, но и то, что изучил в родной деревне под Архангельском.

Так, в руках у Ломоносова была «Риторика» Михаила Усачева 1699 года, в которой давалось следующее определение риторики: «Риторика есть наука добре, красно и о всяких вещех прилично глаголати». В первой неизданной рукописи «Риторики» 1743 года Ломоносов словно переводит это определение на современный ему (и нам!) язык, лишь несколько переставляя акценты: «Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать».

В 1748 году Ломоносов переделал вступление, введя слово «красноречие» и назвав свое сочинение «Краткое руководство к красноречию». Новый учебник начинался словами: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем других преклонять к своему об оной мнению».

Именно Ломоносов утвердил в русской науке слово «красноречие», под которым понималось искусство убеждать, говорить красиво и уместно о всякой материи, предложенной риторике. Риторика же понималась как теория – «учение о красноречии вообще». Три рода правил, о которых говорит наука риторика, показывают: 1) как изобретать идеи («что о предложенной материи говорить должно»), 2) как изобретенное украшать, 3) как расположить мысли и слова. Это были три классические части риторики: изобретение, украшение, расположение.

Новаторство Ломоносова проявилось в целом ряде глав. Так, он включил в изобретение раздел «О возбуждении страстей», где показал, как рождаются с помощью речи чувства слушателей. Остроумно пишет Ломоносов о том, что «мало есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности». Доводов же иногда недостаточно, чтобы привлечь иного слушателя на свою сторону.

Чтобы с успехом приводить в действие силу красноречия, надо знать нравы человеческие, то есть Ломоносов предлагает понять, как и от чего рождается всякое чувство («страсть») в слушателях. Последовательно описывает он основные эмоции, которые создаются речью: радость и горечь, любовь и ненависть, страх и смелость, гнев и милость, честь и стыд, чувство соревнования и зависть.

Вот что пишет Ломоносов о любви (насколько верно, решите сами): «Любовь есть склонность к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение. Сия страсть по справедливости может назваться мать других страстей, ибо часто для любви веселимся, уповаем, боимся, негодуем, жалеем, стыдимся, раскаиваемся и прочее. Любовь сильна как молния, но без грома проникает, и самые сильные ее удары приятны. Когда ритор сию страсть в слушателях возбудит, то уже он в прочем над ними торжествовать может».

«Сила ума и дар слова» (расцвет русской риторики в первой половине XIX века)

Кончается век Екатерины, уходит с исторической сцены Павел I, и с воцарением Александра Благословенного начинаются государственные реформы. Вместо коллегий в России появляются министерства (в том числе министерство народного просвещения), меняется и образование. В Московском университете появляется кафедра красноречия и стиховорства. С 1809 года ее возглавлял профессор Алексей Федорович Мерзляков. Замечательно его определение риторики и красноречия: «Если риторика подает *правила* к последовательному и точному изложению мыслей, к изящному и пленительному расположению частей речи», то красноречие есть «*способность* выражать свои мысли и чувствования на письме или на словах правильно, ясно и сообразно с целию говорящего или пишущего».

Под именем красноречия древние понимали «*искусство* оратора», а под именем риторики – «*правила*, служащие к образованию ораторов». Воздействие словом, по мысли Мерзлякова, простирается на все человеческое существо. Вот почему риторика не ограничивается убеждениями и доказательствами, это – «наука научать наш разум и занимать воображение, трогать сердце и действовать на волю». Значит, цель всякого писателя или оратора выражается глаголами: «научать, занимать, трогать, доказывать».

Одним из первых Мерзляков разработал вопросы частной риторики, где показываются роды и виды сочинений, которых касаются риторические наставления. Виды словесности, в которых должен быть искусен ритор, суть следующие: 1) письма; 2) разговоры, или диалоги; 3) рассуждения, или учебные книги; 4) история – истинная или вымышленная; 5) речи. Речи ораторские разделялись на пять видов:

- *духовные*, в которых предлагаются истины и обязанности религии;
- *политические*, в которых оратор рассуждает о выгодах и потребностях общественной жизни;
- *судебные*, где защищается невинно притесненный или обличается преступник;
- *похвальные*, заключающие похвалу заслуг умерших или живущих знаменитых особ;
- *академические*, касающиеся до ученых предметов, их природы или наук.

Другим замечательным педагогом-ритором был Николай Федорович Кошанский (1784–1831), первый учитель словесности и риторики в Царскосельском лицее. В 1811 году лекцией молодого профессора «О преимуществах российского слога» открылись занятия в лицее. Кошанский всячески поощрял словесное творчество юных лицеистов; он предлагал им писать сочинения и стихи, а затем придирчиво и строго разбирал творения начинающих писателей. Не исключено, что замечания его были настолько требовательны и колки, что это ранило болезненное самолюбие юного Пушкина. В рукописном стихотворении, обращенном к Кошанскому, Пушкин писал: «Не нужны мне твои уроки, я знаю сам свои пороки...»

То, что остроумная требовательная критика Н.Ф. Кошанского доходила до сердец лицеистов, станет ясно по их поздним воспоминаниям и публикациям сочинений лицеистов с замечаниями учителя Кошанского. Вот, например, он остроумно замечает одному из лучших поэтов-лицеистов, описывающему колодцы: «Колодцы ваши хороши, но из них никак нельзя напиться...»

Закончив преподавание в Лицее, Кошанский в конце карьеры совершил главное дело своей жизни: написал «Общую ретику» в 1829 году и «Частную ретику», которая была издана уже посмертно в 1832 году. Учебники переиздавались до 1849 года десять раз, а количество переизданий всегда говорит о качестве и авторитетности учебника.

Обратим внимание на то, как Кошанский предлагает учиться писательству и ораторству. Побуждая лицеистов к занятиям словесностью, он называл три средства к достижению целей риторики:

1) чтение образцов, так как у хороших ораторов надо замечать «лучшие слова, идеи, выражения, приятные мысли... каков план, расположение всех частей описаний и рассуждений», наконец, надо видеть достоинства стиля: что хорошо, изрядно, прекрасно; почему благородно, велико, высоко; почему ново, необыкновенно, оригинально и т.д.;

2) размышление, потому что размышляя над чужим прочитанным, мы учимся прибавлять свое и, идя «знакомым путем», учимся находить свое оригинальное;

3) собственные упражнения – ведь «кто не упражнялся постоянно, тот всегда будет нетверд в слоге; можно знать лучшим образом правила и не уметь написать десять строк связно...».

Итак, чтобы стать хорошим писателем, оратором, поэтом, нужны «собственные опыты», а эти опыты «согреваются участием друга-наставника, который всегда говорит прежде, что хорошо и почему, а после показывает то, что должно быть иначе и каким образом».

Таков был метод Кошанского, учителя Пушкина и его друзей. Можно представить, как говорил учитель Царскосельского лицея вдохновляя своих учеников на поэтические труды: «Уныние от неудачи есть малодушие. Должно вооружиться терпением, твердостью, постоянством... Должно любить труд, любить занятия. Где нет любви, там нет успеха».

К середине XIX века в русской науке сложилось парадоксальное положение: с одной стороны, риторика достигла расцвета и развития, с другой, риторика и стиль, в котором писались учебники, критиковался со стороны «передовых», демократически настроенных ученых и журналистов. Так, риторики Кошанского, как и «все риторики вообще», назывались Белинским «пошлыми и вульгарными».

И этому можно найти объяснение: общество ждало нового стиля мысли и слова. «Неистовый Виссарион» и подобные критики стремились отвести главное место в словесности художественной литературе, описывавшей реальную жизнь в творениях писателей натуральной школы. Главным видом словесного творчества провозглашалась поэзия: лирика, драмы, романы и повести. Философская и деловая проза, ораторское искусство начинали считаться второстепенными, не столь важными видами речи.

Словесность и риторика во второй половине XIX века: правила хорошего тона – словесное образование

Середина XIX века отмечена серьезными преобразованиями в жизни России. Готовилась отмена крепостного права, введение суда присяжных, на престоле с 1855 года воцарился 27-летний Александр Освободитель. Вместе с государственными преобразованиями серьезные изменения происходили в сфере преподавания языка и литературы.

Риторика была выведена из состава школьного преподавания и заменена курсом словесности. Что же изучал школьник-гимназист во второй половине XIX века? В лучших лицеях России того времени изучались русский язык и словесность, древние классические языки (греческий и латинский), обязательными из «новых» языков считались французский, немецкий и для желающих – английский.

Риторические знания под другим именем стали входить в курсы словесности и стилистики. Так, никто не отменял изучение логики – и лицеистам давались сведения о том, что такое понятие, суждение, умозаключение. Правила построения речи были сосредоточены в разделах о том, что такое описание – повествование – рассуждение. Продолжалось изучение тропов и фигур. Современные знания в наших учебниках языка и литературы восходят, конечно, к середине XIX века.

Хорошее словесное образование состояло в том, что ученик много читал, знал наизусть много текстов, постоянно анализировал и разбирал лучших образцовых писателей. Кроме того, надо было много писать (а в хорошей школе всегда много пишут по всем предметам): писание формировало хороший стиль, манеру, умение и создать серьезное деловое письмо, и написать (произнести) легкую поздравительную речь. Конечно, речевое воспитание человек получал уже

в семье – по некоторым книгам мы можем судить о том, как происходило такое воспитание. В книге «Правила светской жизни и этикета. Хороший тон» 1889 года излагались советы к ведению повседневной разговорной речи. Вот некоторые правила разговора для поведения в свете:

«Тон хорошего разговора должен быть плавным и естественным, но никак не педантичным и игривым; нужно быть ученым, но не педантом, веселым, не производя шума, вежливым без утрировки, забавным без плоских и пошлых двусмысленностей». Как видим, авторы прежде всего требуют, что надо говорить кстати, т.е. уместно. Изложить все советы в нашей книге невозможно, но, перечитывая их сегодня, видишь, как они злободневны даже для человека XXI века:

«...Избегать слишком большого количества слов, объяснений, отступлений от предмета; все это неприятно и выводит из терпения слушателя;

говорить просто и никогда не горячиться, начинать говорить не иначе, как в свою очередь и стараться не перебивать говорящих;

никогда не завладевать самому всем разговором каждый раз, как является новый предмет разговора».

Вторая половина века отмечена расцветом судебного красноречия. Введение суда присяжных – лиц, избираемых из народа для присутствия в суде и окончательного вынесения решения, – привело к тому, что прокурор-обвинитель и адвокат стали говорить для публики. Они вынуждены были готовить и произносить яркие речи с целью убедить всех участников суда в своем мнении. Возникла блестящая плеяда судебных ораторов: А.Ф. Кони, Пороховщиков (Сергеич) и другие.

Многие судебные дела «гремели» на всю Россию и становились предметом всеобщего обсуждения. Образ судебного деятеля – защитника определенной нравственной и идеологической позиции – находился в центре внимания общественности.

Подчас общество раскалывалось в обсуждении отношения к тому или иному делу. Так было, например, при обвинении банкира в истязании его малолетней падчерицы. Блестящий адвокат Спасович сумел так представить дело, что избиение и истязание девочки выглядели не больше не меньше как родительское наказание за шалости, которые допускал ребенок. Достоевский писал в своем дневнике о той силе, которой обладал искусный адвокат, манипулируя сознанием слушателей.

Всякое новое общественное устройство предполагает новые формы общения. Так, с возникновением Государственной думы в 1902 году, Россия всколыхнулась от политических дискуссий и полемики. Начало развиваться политическое красноречие. В Думе блистал ряд замечательных ораторов, бывших лидерами в проведении государственной политики России. Одним из таких лидеров был Петр Столыпин. Будучи преобразователем России, он неоднократно выступал с речами в Государственной Думе.

Особое развитие получило в конце XIX века русской духовное красноречие. Проповеди святителя Иоанна Кронштадтского собирали тысячи людей. Их сила состояла в искренней вере оратора, а искренняя вера и любовь к Богу воплощались в слова, которыми возжигались верования в сердцах людей. Благодатная сила проповедника Слова Божия видна в речевом портрете любимого всеми проповедника:

«Лицо его ясное и открытое, приятно и сердечно улыбающееся, благодушно-мирное, благодатное лицо. Светлые, доверчивые, ласковые глаза, твердая и уверенная речь привлекли всеобщее внимание. Это самый покойный, ровный, жизнерадостный, смиренный и предупредительный служитель Христов... Речь отца Иоанна не блистает сравнениями и риторическими украшениями. Простая, искренняя, но настолько сильная верой и убеждением, что к нему вполне приложимы слова апостола Павла: "Проповедь моя не в препирательных человеческой мудрости словесах, но в явлении духа и силы"».

Говоря о своем служении Богу и людям, отец Иоанн признавался: «Я стараюсь быть искренним пастором не только на словах, но и на деле, – в жизни». Искренняя вера и любовь к Богу, готовность служить людям творили чудеса. А сам Иоанн Кронштадтский говорил о своем пастырском служении: «Ничто так не одушевляет человека в каком-угодно деле, как сознание *общения, общности* в дружной работе».

Задумайтесь: есть ли такое теплое общение в вашем коллективе? Есть ли чувство и сознание общности среди тех людей, с кем вы вместе живете и работаете? Если нет, то как и чем поправить дело?

Несмотря на развитие судебного и политического красноречия, общее состояние риторики как науки об общественной речи было в упадке. Отсутствие риторического образования в стране не позволяло руководить общественным мнением и противостоять «растлению умов», влиянию новой материалистической философии с ее модными и увлекательными идеями. Силу набирала пропаганда марксистских идей, политическая пресса была наполнена неверием, критикой и скептицизмом. Начало первой мировой войны, неудачные действия правительства и императора Николая II, отсутствие убедительного объяснения народу проис-ходящего вокруг привели к тому, что коммунистические идеи критики царской власти, построения нового общества одержали верх.

Ораторское искусство и культура речи в советское время

Приход к власти коммунистов в октябре 1917 года во многом объясняется *риторической* победой партии большевиков, руководимой Лениным. Лидеры РСДРП были блестящими ораторами и писателями-публицистами. Основатель коммунистической партии В.И. Ленин неоднократно писал о силе и влиятельности агитации и пропаганды, которая должна выражать интересы пролетариата. Сегодня, когда идеологические ценности сместились, мы должны честно представлять как положительные, так и отрицательные стороны той идеологии и риторики, которые воцарились в России после падения царизма.

Не стоит думать, что положительные оценки творчества Ленина, Кирова, Калинина были сплошным идеологическим мифом советского времени. Наверняка многие писатели-мемуаристы искренне писали о силе и убедительности речей главы и основателя советского государства В.И. Ульянова-Ленина. Вспоминаая ораторские выступления Ленина, А.А. Андреев отмечал железную логику, богатство и выразительность, эмоциональную силу и зажигательность ленинских речей: «Вся речь его – как призыв: ничего лишнего...» Интересно, что мемуаристы описывали Ленина в разных ситуациях общения, делая из него невольно образец для речевого подражания: Ленин не только выступает с трибуны, но и беседует с товарищами по партии, ведет совещания, спорит и полемизирует, преподает и ведет политические занятия, приезжает на елку к детям (где всех сразу располагает к себе), наконец, он – любящий сын и муж. Очевидно, что это был идеологический и речевой образец, на который ориентировались несколько поколений советских людей. Отнести этот «образ» – значит впасть в то самое бескультурье, которым заразились после прихода к власти сами большевики, на словах предлагая выучивать все лучшее, что выработало человечество, а на деле забывая очень многое из философской, религиозной, нравственной культуры русского человека.

Поэтому будем объективны и вспомним, что Советская власть в 20-е годы предлагала «учить говорить весь народ». Огромное значение имела, конечно, компания по ликвидации безграмотности, поскольку научение грамоте – это, прежде всего, научение новым письменным формам языка. Но памятуя значение новых форм устной агитации, которая ведется в формах ораторских выступлений и дискуссий на местах, в первое десятилетие Советской власти пишется множество книг об ораторском искусстве, умении говорить с трибуны и убеждать массы.

Одна из лучших книг того времени – «Умение говорит публично» Алексея Васильевича Миртова, выдержавшая 3-е издание в 1927 году. Вдохновленный идеями построения нового общества, автор писал: «В новых условиях нашей жизни всякому, не ушедшему целиком в свою скорлупу, приходится время от времени быть и оратором». Под оратором Миртов понимал всякого человека, кому приходится обращаться со словом: «Убедить, разъяснить что-либо, успокоить, ободрить, призвать – вот обязанности, постоянно налагаемые на нас жизнью. Особенно это относится к лицам, занятым общественной работой: сделать доклад, отчет, отстаивать свой план, проект и т.д. – это их повседневная работа».

Вы видите, как современно то, что писал этот замечательный преподаватель русского языка в 20-е годы... Это было время перестройки общественного сознания, стиля управления обществом. Поэтому звучали такие современные призывы обучаться «живому слову» – будто они написаны в начале XXI века, а не восемьдесят лет назад: «Владеть словом необходимо, разумеется, не только общественному работнику, но и дельцу, и практику, и специалисту-ученому». Только «общественного работника» сегодня в газетах назовут специалистом по связям с общественностью, а дельца – «бизнесменом». Ко всякому профессионалу будут относиться дальнейшие «риторические» слова: «Владеть речью – это не значит непременно «произносить»

речи, а уметь ясно, кратко и убедительно *высказаться*. Живое слово – могучее орудие в умелых руках».

Это понятие «живое слово» было вообще чрезвычайно популярным на заре Советской власти. В 1918 году в Санкт-Петербурге был создан Институт живого слова, целью которого было распространение риторических знаний и совершенствование народной речи.

На открытии Института живого слова нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский говорил (обратите внимание, как здесь риторика связывается с политикой): «Все формы политического творчества идут через речь. Россия заговорила, и заголосила даже, и нам необходимо, чтобы этот разговор приобрел как можно скорее четкость, чтобы возможно было больше таких людей, которые говорили бы то, что они думают, которые умели бы влиять на своего ближнего и которые умели бы парализовать вред влияния. Если это влияние демагогическое, если это злые чары, благодаря которым тот или иной ритор побивает словом ... Надо учить говорить весь народ от мала до велика».

Ученые Института живого слова предложили множество проектов и программ развития ораторского искусства. Так, Г. Виноградов писал о «народном ораторском искусстве», имея в виду живое устное слово, лежащее в «основе взаимообщения». Один из основателей советской науки о культуре речи Григорий Осипович Винокур в книге «Культура языка» призывал отойти «от мертвых схем к живому слову как орудию социального общения и воздействия».

К сожалению, большинству из этих разработок не суждено было осуществиться. После периода бурного развития ораторского искусства, который символизировал переход государства к новым формам жизни, с началом 30-х годов всякое ораторство как выражение личного свободомыслия было запрещено. Понятно, что и ученые, многие из которых попали под идеологический пресс (если не были арестованы), уже не решались писать на эти «скользкие» темы.

Последней книгой, которая говорила об ораторском искусстве, была книга Виктора Гофмана «Слово оратора» 1932 года, в которой замечательно утверждалась связь риторики и политики: «Риторические принципы – это переодетые политические принципы, а риторика – мистифицированная политика. Риторика как теория ораторской речи есть как бы суррогат политической теории, руководства политической борьбы».

Конечно, ораторское искусство не прекратило своего существования. Советский образ жизни, облик советского человека во многом объяснялся характером речи, стилем общения, передачи информации и информированности советского общества. У советского человека были вполне определенные идеалы, которые требовалось отстаивать в информационно-психологической войне с Западом.

Но именно риторически советский человек чувствовал слабину в этом противостоянии, так как идеология навязывалась сверху, не входила в плоть и кровь каждого человека. Слишком много было формальных речей (на различных партийных и профсоюзных собраниях), и произносились эти речи «по бумажке» безынициативно и незаинтересованно. Люди чувствовали неискренность говорящего, и рождался внутренний протест против такого стиля общения.

Чтобы понять, что такое советская послевоенная риторика, надо оценить весь комплекс выступлений, речей, текстов, составлявших политическую и деловую жизнь СССР. Теоретически риторика отсутствовала, но это не значит, что правилами общественной речи не занимались практически. Вполне справедливо можно говорить о том, что жизнью трудового коллектива руководили администрация, партийный комитет, профсоюзы и комсомол. В настоящее время такое руководство осуществляет только администрация – в этом смысл «капиталистических» реформ. Какой тип руководства более «единоначален» и какой более демократичен? Понятно, что больше власти и бесконтрольности как раз при капитализме.

Впрочем, теоретически, конечно, советская наука не стояла на месте. Именно в Советском Союзе родилась такая новая дисциплина как *культура речи* – учение о нормах речевого общения в разных областях лингвистического знания: фонетике, лексике, синтаксисе. Много внимания уделялось развитию литературного языка, практической стилистике как умелому употреблению слов и выражений в речи.

Тем не менее, именно отставание в области информационных технологий, искусственное сдерживание в распространении информации, неумение вести идеологические дискуссии и

отстаивать свои взгляды ставило Советский Союз в положение обороняющихся. В конце концов психологическая война с Западом оказалась проигранной, хотя мы чувствуем за своей спиной многовековой опыт русской философской и речевой культуры.

Демократическая перестройка, начатая в 1985 году реформами М.С. Горбачева, внесла элементы нового стиля мысли и речи. Подобно самому вдохновителю перестройки, вдруг все заговорили без бумажки, стиль общения стал демократически свободным, а это имело и свои плюсы, и свои минусы. Плюсы в том, что люди начали свободно высказывать собственное мнение, минусы – в том, что всякое свободное суждение должно быть осмысленным и ответственным.

Отсутствие серьезной и продуманной программы переустройства России порождало не только безответственные поступки, но и демократически сниженный стиль общения, который выразился в вульгарной и грубой «свободе» речи. Такими стали, например, передачи многих молодежных радиостанций. Их стиль состоит в готовности говорить все что угодно, без «цензуры». А цензура для каждого из нас – внутренний вкус, понимание того, что существуют понятия истины и красоты, которые можно выразить словами.

Десятилетие 90-х годов стало десятилетием перехода к новому образу жизни. Изменилась идеология общества, экономика начала работать по рыночным законам, меняется и образование. В такие перестроечные периоды в школах меняется содержание предметов обучения, появляются новые дисциплины. Меняется и стиль общения в самих школах: вы чувствуете вместе с вашими родителями, что страна начинает жить по-новому. Но при всем изменении нашей психологии, нашего мироощущения мы остаемся теми же русскими людьми, несущими в себе память предков, их мысли и слова.

Мы живем в напряженную эпоху развития мировой цивилизации, которая связана прежде всего с новыми информационными технологиями. А это – напряженная жизнь языка, интенсивное общение. Развитие нашего языка теперь невозможно без компьютера, Интернета, многоканального телевидения, мобильных телефонов и т.д. Задумаемся: как сделать нашу жизнь в таких условиях духовно богатой и удобной? Ведь нигде не исчезли и не исчезнут прежние формы общения: мы так же будем общаться в семьях, с друзьями и знакомыми, по-прежнему требуется умение писать (хочешь – ручкой, хочешь – на компьютере). Нельзя представить будущее без книги – сокровищницы всех знаний.

Обратим внимание: люди стали меньше читать, они все больше времени проводят у телевизора, основная информация многими добывается из Интернета. Не обедняет ли себя современный человек, если он стал меньше общаться с книгой? Ведь именно книга учит думать, возвращаться к прочитанному, переосмысливать его и приходить к собственному мнению.

Новая современная риторика должна научить людей пользоваться всеми видами слова. Пусть они поймут значение языка для организации всей жизни, работы, учебы, построения взаимобщения друг с другом.

Выводы. Периодизация истории русской риторики

Из сказанного выводятся две закономерности:

- 1) потребность в создании новых риторик всегда приходится на время ломки и перестройки общественного сознания, формирования нового стиля жизни;
- 2) каждый период охватывает время примерно в 60 лет (от 50 до 70). Это – срок человеческой жизни, достаточный для того, чтобы общество созрело к очередным стилевым переменам. Каждый риторико-стилистический период включает в себя время самой перестройки (написания учебников), утверждения этого стиля мысли и жизни, превращения его из новаторского в консервативный, критики и, наконец, нового революционного изменения.

Периодизацию истории русской риторики можно представить в следующем виде:

- 1) 1620–1690/95 годы – *допетровский* период, когда наиболее популярной была первая русская «Риторика» 1620 года, изучавшаяся вместе с другими «свободными мудростями»: грамматикой и диалектикой;

2) 1690–1745/50 годы – *петровский* период, когда утвердились руководства, написанные в раннее петровское время (С. Лихуд, М. Усачев и др.);

3) 1745/50–1790/1800 гг. *ломоносовский* период с господством руководств великого ученого, стиля русского классицизма;

4) 1800–1850/60 годы – *расцвет* русской ученой риторики, когда главными считались руководства А.Ф. Мерзлякова, Н.Ф. Кошанского и риторика понималась как учение о мысли и слове, построении прозаической речи;

5) 1850/60–1917/20 гг. – период *художественной словесности* с критикой риторики и выведением ее из состава преподавания.

В гимназиях преподаются теперь русский язык и словесность, понимаемая как художественная литература;

6) 1917/20–1985/90 гг. – *советский* период с господством коммунистической идеологии, агитации и пропаганды. Он начат с огромным интересом к теории и практике ораторского искусства в 20-е годы, а закончен как раз критикой советского стиля речи. Перестройка породила риторическую борьбу и яркие фигуры новых ораторов. Каждый современный оратор-политик идет к вершинам своей политической карьеры через убеждающее и влиятельное слово.

7) С 1990 г. – начало нового стиля жизни, который связан с новым информационным обществом (радио, телевидение, компьютер, Интернет). Благополучие общества и личности будет не в последнюю очередь зависеть от того, как современный русский человек научиться пользоваться всеми видами слова. Слово же может творить либо добро, либо зло. Но злом история не кончается. В мире море зла, а добра – океан (архимандрит Рафаил Каверин).